

Возможные совпадения имен и названий в этом романе с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Истоки многих преступлений лежат в событиях, порой весьма далеких от самого преступления как во времени, так и в пространстве.

В последнее воскресенье июля тысяча девятьсот тридцать восьмого года немногочисленные обитатели имения Лихтенберг, расположенного в Тюрингии в окрестностях Айзенаха, собрались возле спальни баронессы Эльвиры фон Штразен. Баронесса была тяжело больна. Только что от нее вышел доктор господин Вольфганг Штиф. По его скорбному лицу собравшимся стало понятно, что в данном случае медицина бессильна. Доктор шмыгнул носом и, глядя куда-то в сторону, сказал:

— Господа, можно прощаться...

Первым в спальню отправился приехавший из Ваймара единственный родной брат баронессы Адольф Гринберг. Он плотно прикрыл за собой дверь спальни, и это выглядело так, будто господин Гринберг приехал не для того, чтобы в последний раз взглянуть на умирающую сестру и услышать от нее несколько напутственных слов, а намерен обсудить с ней важный деловой вопрос. Однако он довольно скоро покинул спальню. Лицо его было хмурым, а на щеках были красные пятна. Не глядя на собравшихся, он буркнул:

— Карл, она просила позвать тебя.

Барон Карл фон Штразен, единственный сын умирающей, бросил взгляд на дядю, вздохнул и вошел в спальню матери.

Она лежала на той же постели, которую еще три года назад делила с отцом Карла бароном Зигфридом фон Штразенем. Мать была мертвенно-бледна и тяжело дышала. Высушенные болезнью когда-то полные щеки глубоко запали, обозначив кости лица. Она попыталась улыбнуться Карлу, но из этого ничего не вышло. Вместо улыбки сын увидел на ее лице незнакомую жалкую гримасу. Мать смогла лишь сказать:

— Карл, подойди, пожалуйста, поближе.

Сын подошел и сел на стоявший возле кровати старинный стул с мягким темно-красным сиденьем. Он взял руку матери двумя руками и молча посмотрел на нее. В глазах его стояли слезы.

— Ну вот, — сказала умирающая, — совсем ненадолго я пережила Зигфрида. Скоро я встречу с ним...

После этих слов слезы покатались по щекам сына. Баронесса сказала:

— А вот этого не надо, Карл... Вспомни, как не любил отец, когда ты плакал в детстве. Мы все придем туда...

Карл быстро достал платок и утер глаза.

— Я слушаю, мама.

Баронесса высвободила руку, которую он держал, и, чуть приподнявшись (сын поддержал ее при этом), запустила ее под матрас. Немного повозившись там, она извлекла из-под матраса медальон и протянула его Карлу. Он взял из рук матери вещицу и стал ее рассматривать. Медальон был самым обычным, не золотым и даже не серебряным, но чувствовалась работа хорошего старинного мастера. В него была вставлена маленькая фотография покойного отца. Карл недоуменно взглянул на мать и сказал:

— Да, мама...

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

— Этот медальон достался мне от моей матери. Карл, это единственное, что я могу тебе передать...

— Как же, мама... А наше имение?

— Имение само собой разумеется. Ты унаследуешь его, но оно досталось нам от твоего отца, а медальон — это то, что принадлежит лично мне.

— Я сохранию его, мама, а когда наступит мой час, передам его своей дочери, — сказал сын, продолжая недоумевать.

Баронесса откинулась на подушку и, собрав силы, быстро заговорила:

— Подожди, Карлуша, я еще не все сказала... Это не просто медальон, с ним связана одна таинственная история...

Мать вдруг замолчала, собираясь с силами. Карл напряженно ждал, стараясь почти не дышать, чтобы не пропустить ни одного даже самого слабого звука, который могла бы издать покидающая этот мир мать. Внезапно грудь баронессы высоко поднялась, она захрипела, глаза ее закатились. Карл подхватил ее голову в надежде еще что-то услышать, но баронесса испустила дух. Он не пытался более сдерживать слезы. Зажав медальон в потной руке, Карл вышел из спальни и сквозь рыдания произнес:

— Мама умерла.

Стоявший в стороне ото всех дядя Адольф впился взглядом в руку Карла, сжимающую медальон. На лбу Адольфа выступила испарина, он до хруста в костяшках сжал пальцы рук. Колени его задрожали, и, чтобы унять внезапную дрожь, он непроизвольно начал топтаться на месте.

Ничего этого обезумевший от горя Карл, разумеется, не заметил. Будучи не в силах оставаться среди собрав-

шихся, он бегом поднялся по лестнице в свою комнату, чтобы там дать волю чувствам.

Всхлипывающие родственники и прислуга робко потянулись в спальню и выстроились вокруг постели умершей. Ближе всех к изголовью стояли супруга Карла баронесса Инга фон Штразен и их трехлетняя дочь Клара.

2

Лагерь Бюдерих, в котором оказался обер-лейтенант Карл фон Штразен, мало чем отличался от других подобных примерно двадцати лагерей, временно организованных американцами для размещения пленных солдат вермахта, число которых к июню тысяча девятьсот сорок пятого года достигло огромной величины. Общим признаком лагерей было то, что все они были расположены вдоль западного берега Рейна и занимали площади так называемых рейнских лугов — поросших травой безлесных участков земли, используемых в мирное время под пастбища для овец и для других нужд сельскохозяйственного назначения. Делала лагерь похожими друг на друга и простота их сооружения — лишенный леса участок земли просто огораживался колючей проволокой, за которой находились заключенные, а снаружи располагались нехитрые временные постройки для лагерной администрации. Характерной особенностью лагерей было то, что для пленных не предусматривались бараки или иные места для ночлега — заключенные находились под открытым небом и «ночевали» в самостоятельно отрытых при помощи подобранных здесь же, на лугу, консервных банок или других подходящих предметов ямах. Условия пребывания в лагерях и питание были ужасающими, и ежедневные смерти пленных были рядовыми событиями.

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

Лагерь Бюдерих отличался от остальных тем, что входил в первую пятерку лагерей, где смертность превышала средние показатели.

Рано утром в начале июня обер-лейтенант Карл фон Штразен стоял вблизи проволочного ограждения в длинной веренице бывших солдат вермахта, которые все как один были с ввалившимися грязными небритыми щеками и взглядами, не выражающими ничего, кроме смертной тоски.

Это была очередь за получением завтрака, на который сегодня кроме традиционного кипятка полагался кусок белого американского хлеба. Такой хлеб давали не каждый день, поэтому большинство заключенных съедали его, едва отойдя от американской полевой кухни, где готовился официально называемый супом кипятком с добавлением итальянской томатной пасты.

Обер-лейтенант Карл фон Штразен, как и остальные, грязными руками запихивал в рот хлеб, запивая его кипятком. Хлеб был уничтожен за секунды, и Карл заковылял к своей яме, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть и приложиться к солдатскому котелку с кипятком. Он прыгнул в яму, стараясь не ступить на раненую ногу, снял с себя шинель, расстелил ее так, чтобы часть ее легла на дно ямы, другая же прикрыла ее стенку, и сел. Он знал, что сидеть придется недолго, так как скоро объявят сбор для ежедневной утренней переклички. Карл стремился беречь неумолимо покидавшие его силы. Всем своим существом он чувствовал, что скоро умрет. В то утро ощущение близкой смерти было особенно острым.

После переклички он вернулся к своей яме. Солнце стояло уже высоко и нещадно палило. Карл выбрал в яме участок, где солнце светило меньше, и опустился

на ее дно. Затем прикрыл глаза. Посидев так немного, он извлек из нагрудного кармана кителя все, что не было отобрано охраной при приеме в лагерь.

Это были фотоснимок, сделанный в сорок втором году, перед самым уходом Карла на Западный фронт, и медальон, подаренный покойной матерью за минуту до ее смерти.

На фотоснимке были супруга Карла Инга фон Штразен и их семилетняя дочь Клара. Инга сидела на стуле, сложив руки на коленях, а Клара стояла, положив правую руку на плечо матери. Вместо фото отца теперь в обрамление медальона была вставлена маленькая фотография супруги. Карл смотрел на милые сердцу лица, и по щекам его катились слезы — то ли оттого, что он не рассчитывал больше увидеть их и мысленно прощался с ними, то ли просто от физической немощи.

Была еще одна причина, по которой Карл фон Штразен достал из кармана последнее, что у него было.

Он вспоминал тот день в конце мая тысяча девятьсот сорок четвертого, незадолго до высадки англо-американских войск в Нормандии, когда он, сидя в своем блиндаже, вот так же достал медальон из своего походного чемодана и рассматривал его, вертя в руках.

Медальон был сработан хорошим мастером. Фото вставлялось с лицевой стороны в специально предусмотренный по всему овалу паз. С обратной стороны все выглядело так, будто бы и нет никакой возможности что-то там приоткрыть или, скажем, отковырнуть — настолько аккуратно и точно были подогнаны детали. Карл все эти годы считал, что в медальоне и не должно ничего открываться — это просто сплошной кусок металла. Но все это время он помнил о словах умирающей матери, поведавшей, что с медальоном связана некая тайна.

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

Разорвавшийся неподалеку снаряд заставил его вздрогнуть, при этом большой палец правой руки сильно надавил на обратную сторону медальона и произвел некое подобие вращательного движения. И случилось чудо. Открылась очень плотно пригнанная крышечка. То, что Карл обнаружил под ней, заставило его разочарованно присвистнуть. Когда же он детально ознакомился с содержимым медальона, то понял, что умиравшая мать ничего не придумала и упомянутая ею перед смертью тайна является сведениями, способными к вполне немифическому материальному воплощению. Охваченный радостью от внезапно свалившейся на него удачи, Карл быстро вернул все на место и в обратном порядке закрыл крышечку, потом еще долго всматривался в металлическую плоскость, удивляясь ювелирной работе мастера. Тогда же он написал письмо Инге, лишь намекнув на то, что раскрыл тайну медальона матери. Сообщить подробности он побоялся, так как опасался военной цензуры, проверяющей письма с фронта. Тогда он еще рассчитывал выжить и вернуться домой.

Сегодня все выглядело иначе. Он знал, что в тех краях, где находится их имение, давно уже хозяйничают союзники по антигитлеровской коалиции. Он чувствовал, что ему самому осталось немного жить на этом свете. Сидя на дне ямы, Карл фон Штразен размышлял над тем, как передать медальон близким. Отдать кому-нибудь из бывших товарищей по оружию? Но сейчас невозможно точно сказать, кто из них выживет и куда забросит их дальнейшая судьба. Он слышал, что лагеря скоро будут расформированы, а пленные будут переданы во французские или британские лагеря. Он также опасался того, что кто-то из своих, так же как он тогда в Нормандии, случайно может открыть медальон... Даль-

ше он не хотел даже думать... В общем, вариант передать медальон родным через бывших товарищей по оружию был неподходящим. Что делать? Какое-то решение надо принимать. Американцы двинутся дальше на восток. Отдать какому-нибудь американцу? Может быть, попадется хороший человек и передаст Инге вещи, оставшиеся от скончавшегося мужа. Выбора нет. Нужно поторопиться.

Карл выбрался из ямы и направился к проволочному ограждению. Надо присмотреться к охранникам. Главное, чтобы тот, кого он выберет, не был евреем. Он считал, что еврей ему, обер-лейтенанту вермахта, в просьбе, безусловно, откажет. За три недели пребывания в лагере он заметил, что в лагерной администрации было немало евреев, прекрасно говоривших по-немецки. Один из заключенных, побывавших на допросе, рассказывал ему, что это выходцы из Германии, в свое время успевшие бежать от нацистов за океан. Они, естественно, должны лютой ненавистью ненавидеть немцев.

Он высмотрел темно-русого скуластого сержанта и, решив, что он настоящий янки, направился к нему. Сержант, заметивший приближающегося к ограждению обер-лейтенанта, угрожающе повел в его сторону винтовкой «M1». Карл заговорил с ним по-английски. В гимназии он неплохо успевал по этому предмету.

— Извините, сержант, не могли бы вы оказать мне небольшую услугу?

— Какую?

— Я хочу дать вам пару предметов и попросить вас о том, чтобы вы передали их моей семье.

— Во-первых, обер-лейтенант, это является нарушением инструкции. Во-вторых, я не знаю, что со мной будет и смогу ли я выполнить вашу просьбу. Почему вы сами не хотите это сделать?

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

— Сержант, война уже закончилась, и вы, по крайней мере, останетесь в живых, а я уже долго не протяну. Я хотел бы, чтобы эти предметы стали последней весточкой от меня моим близким.

— Но я не могу вам гарантировать, что смогу выполнить вашу просьбу.

— Что ж, как получится, сержант... у меня нет выбора. Американец помолчал, колеблясь, оглянувшись по сторонам, потом спросил:

— Что это за предметы?

Карл достал из кармана и поднял над головой свои драгоценности.

— Это медальон с фотографией моей жены и фотография, где сняты жена и дочка.

— О'кей.

— Только попрошу вас, бросьте мне через проволоку какой-нибудь карандаш, я напишу адрес.

Он поднял с земли упавший карандаш, присел, положил на колено фотографию и с обратной стороны написал:

*Инга фон Штразен
Имение Лихтенберг
Айзенах
Тюрингия*

Затем, подумав, дописал:

Июнь 1945

Потом он перебросил медальон и фотографию вместе с карандашом через ограждение. Сержант, имени которого он не спросил, так как это уже не имело смысла, покрутил в руках фото и медальон и сказал:

— Сейчас там наши части, но скоро уже будут русские, обер-лейтенант... А жена у вас красивая. Я постараюсь, может быть, успею...

Он спрятал в нагрудный карман своего френча то, что еще минуту назад принадлежало обер-лейтенанту вермахта, и напомнил Карлу, что ему все же следует отойти от ограждения. Карл в знак согласия кивнул и заковылял к своей яме.

Назавтра обер-лейтенант барон Карл фон Штразен не проснулся в своей яме. Он был идентифицирован представителем лагерной администрации и передан похоронной команде, состоявшей из пленных солдат вермахта.

3

Небольшой дом Барбары Итцель располагался в юго-западной части Эрфурта, на самой его окраине, как раз в том месте, где пронизывающая весь город федеральная дорога Б7 выходила за его пределы и устремлялась далее в направлении Геры. Сразу за домиком Барбары город резко обрывался и начинались поля бауэра¹ Штиглица. И еще примерно пять километров всякий едущий по федеральной дороге мог любоваться ухоженностью и геометрической точностью разметки этих угодий, заканчивающихся слева от дороги добротными крестьянскими постройками и собственно большим домом, где проживало многочисленное семейство Штиглица. Все дети, невестки и зятья, за малым исключением, трудились в его хозяйстве, добывая хлеб насущный нелегким крестьянским трудом.

Барбара Итцель проживала в доме с дочерью и недавно появившимся внуком, отец которого не мог быть установлен однозначно без медицинской экспертизы, к которой ни Барбара, ни тем более ее дочь Ульрике не

¹ Здесь фермера.

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

собирались прибегать из этических соображений. Младенец был зарегистрирован на фамилию Итцель, и по меньшей мере в тот день его это совершенно не тревожило. Тревожило его другое. Он хотел есть, а из тощей груди матери больше нельзя было выжать ни капли молока. Ребенок оглушительно орал, отчего руки Барбары, собирающейся к Штиглицу за настоящим коровьим молоком, дрожали. Дрожащими же руками она открыла подвесной шкафчик и никак не могла сообразить, сколько же это евро ей нужно взять с собой, чтобы рассчитаться с бауэром. Новые деньги ходили в стране только с нового года, и не искушенная в математике Барбара каждый раз сталкивалась с проблемой пересчета с немецкой марки на евро.

Собрав необходимые для молока бидончики и баночки, Барбара вышла из дома и подошла к своему велосипеду, оборудованному для перевозки мелких грузов. Впереди перед рулем и сзади на багажнике были закреплены корзинки из металлических прутьев. Барбара Итцель имела и автомобиль, но без надобности им не пользовалась, экономя на все дорожающем топливе. С ловкостью, свойственной не каждой пятидесятипятилетней женщине, фрау Итцель вскочила в седло «проволочного осла» (так она называла это транспортное средство)¹ и, лихо набрав скорость, вскоре выехала на федеральную дорогу. Было только начало октября, но день выдался пасмурным и слегка моросило.

Она домчала до поворота к крестьянскому хозяйству Штиглица, и вскоре младшая дочь бауэра уже налиwała свежее молоко в подставляемые Барбарой емкости.

¹ Шутливое название велосипеда в Германии (*нем.* Drahtesel, дословно: проволочный осел).

Рассчитавшись и погрузив молоко в корзинки, Барбара осторожно выехала на федеральную дорогу и медленно поехала обратно к дому. Справа простиралось голое поле, где еще недавно рос картофель, сразу за ним еще зеленели листья свеклы. Барбара ехала небыстро и с интересом поглядывала направо, любуясь ухоженными наделами бауэра Штиглица.

Не доехав метров четырехста до начала города, Барбара увидела впереди на обочине продолговатый предмет, детали которого невозможно было различить в плотном утреннем тумане. Она подъехала ближе и, спрыгнув с велосипеда, повела его дальше «под уздцы». Еще не дойдя метров двадцати до самого предмета, Барбара уже не сомневалась, что то, что она видит, лежащий человек. Она приблизилась вплотную и поставила велосипед, выбив ногой стояночную опору.

Это был относительно молодой мужчина. Навскидку Барбара дала ему сорок лет. Он был без головного убора, в черной куртке и джинсах. На ногах обычные мужские ботинки на толстой подошве. Лежал он на правом боку, левая рука была согнута в локте, ее кисть лежала, прикасаясь к левой стороне груди.

Не надо было быть медиком, чтобы сообразить, что мужчина мертв. Фрау Итцель достала из кармана куртки мобильный телефон и позвонила в полицию. Ответил дежурный.

— Меня зовут Барбара Итцель, — назвалась женщина. — Я обнаружила труп мужчины.

— Где это? — спросил дежурный.

— На выезде из города, метров четырехста по дороге на Геру.

— Сейчас приедем. Прошу вас оставаться на месте до приезда полицейских.

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

Барбара вспомнила об оружии внуке, но, как законопослушная гражданка, решила дожидаться полицию, надеясь, что последняя не заставит себя долго ждать. Она стала размышлять, что помешало ей обнаружить труп еще тогда, когда ехала к Штиглицу. И поняла, в чем дело. Труп лежит на левой обочине, если смотреть в направлении на крестьянское хозяйство, а она ехала по правой. К тому же в ту сторону она ехала очень быстро. Плюс туман. Потом Барбара подумала о бесполезности подобных мыслительных усилий, с помощью которых она хотела скоротать время до приезда полиции. Зачем ей, собственно, эти умозаключения? Расследовать обстоятельства дела предстоит не ей. Она лишь случайный свидетель. Просто так стоять и ждать фрау Итцель не умеет. Она подошла к велосипеду и принялась переставлять в корзинках бидончики и баночки, внутренне сознавая бесполезность и этого занятия. К счастью, вынырнувшая из тумана и резко затормозившая машина криминальной полиции скоро вернула ее к действительности.

Полицейский инспектор Фриц Ниммер стал опрашивать Барбару. Двое других полицейских ходили вокруг трупа. Она попросила инспектора побыстрее завершить все формальности, объяснив, что живет в четырехстах метрах отсюда, а там ее ждет голодный младенец.

— Значит, фрау Итцель, когда вы ехали за молоком, не видели ничего?

— Нет, господин инспектор.

— Вы не прикасались к трупу?

— Нет, господин инспектор, я только нагнулась и убедилась, что мужчина мертв.

— Как вы убедились?

— Обыкновенно. Видно же, когда человек дышит, когда нет... Кроме того, глаза были закрыты, да и цвет лица какой-то синий...

— Хорошо, фрау Итцель. Если понадобится, мы вас вызовем. Ваши данные я записал.

Женщина вскочила на велосипед и заторопилась домой, а инспектор Ниммер подошел к коллегам и занялся изучением трупа. Потом он обошел участок вокруг покойника, всматриваясь в растущую на обочине траву. Он почти не сомневался, что труп был доставлен к этому месту автомобилем, когда человек уже был мертв. Все остальное скажет экспертиза.

Фриц Ниммер сфотографировал место происшествия и приказал коллегам грузить тело в машину.

4

В огромном зале крытого бассейна стоял обычный шум. В «лягушатнике», где со дна били струйки теплой воды, слышались визг и радостные восклицания детей, играющих в мяч или обучающихся плаванию на досках и при этом бешено колотящих ногами по воде. Летящие брызги вынуждали немногочисленных не умеющих плавать взрослых жаться к бортику, где глубина была максимальной. В секторе для прыжков то и дело раздавались «водяные взрывы» от неудачно приводнившихся тел любителей острых ощущений.

Частный детектив Макс Вундерлих выбрал сектор для обычного спортивного плавания. Этот бассейн имел всего лишь двадцать пять метров в длину, и Макс переплывал его уже в двадцатый раз. Итак, пятьсот метров — на сегодня хватит. Он взглянул на стену зала, где висели большие часы, и высчитал, что оплаченное время заканчивается через полчаса. Можно еще пару раз прыгнуть с вышки и закругляться.

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

Он долго стоял под горячим душем, смывая с себя хлорку. В раздевалке Макс не спеша вытерся большим махровым полотенцем. Одевшись, подставил свою пышную шевелюру под электрофен, немного повращав в нем головой.

Автомат турникета подмигнул зеленым глазом, приняв в себя намагниченный жетон, и выпустил Макса в холл. Через стекло, отделяющее холл от улицы, было видно, как ветер бесшумно гонит по тротуарной плитке октябрьскую листву. Он решил немного остыть и присел в одно из кресел, имеющихся в холле. Взял со столика рядом какой-то старый журнал и, не читая, стал просто перелистывать его, не напрягая мозги и наслаждаясь состоянием необычной легкости, которое он всегда испытывал после плавания.

Сейчас кто-нибудь позвонит... Через минуту, а может быть, через две... Он засек время. Прошло полторы минуты, и телефон завибрировал в кармане куртки.

— Вундерлих.

— Хай, Максик. Я.

— Хай, Мартина. Рад тебя слышать.

— У меня к тебе дело.

— Да.

— У меня есть приятельница, три дня назад исчез ее муж...

— Она заявила в полицию?

— Да, но только вчера.

— И что?

— Сегодня ей позвонили и сообщили, что мужчина, соответствующий ее описанию, найден мертвым на окраине Эрфурта.

— Но это может быть и ошибкой.

— Да, но она почему-то считает, что это может оказаться правдой... Кроме того, ее пригласили в Эрфурт на опознание.

— У нее есть основания считать, что речь идет о ее муже?

— Мне она об этом не говорила.

Макс знал о привычке Мартины не сразу говорить, чего она хочет, и, чтобы сократить время на бесполезные вопросы, сказал:

— Мартина, я все понял. Ты, вероятно, хочешь, чтобы я ее выслушал. Мы можем встретиться сегодня?

— Да.

— Я через полчаса буду в своем офисе на Шиллерштрассе. Приезжайте вдвоем.

Хватит наслаждаться легкостью в теле. Пора нагружаться.

«Рено» завелся сразу. Через двадцать минут он сидел в офисе на диванчике, пил кофе и курил.

Мартина Хайзе, «из интереса» добровольно помогавшая сыщику Вундерлиху в его расследованиях, открыла дверь и пропустила вперед заплаканную шатенку средних лет. Вместо привычного «Максик» она, видимо посчитав неудобным такое обращение при посторонних, сказала:

— Макс, это моя приятельница Гизела Оберман. У нее несчастье. Думаю, будет лучше, если она сама расскажет.

Макс пригласил обеих дам занять место на диване и, сев за свой стол, сказал:

— Слушаю вас, фрау Оберман.

— Господин Вундерлих, три дня назад исчез мой муж Вальтер Оберман. Утром, как обычно, он отправился на работу, а вечером не вернулся. Я связалась с его ше-

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

фом, и тот сказал, что Вальтер отпросился на два дня с работы и не появлялся. Мне он о том, что не пойдет на работу, ничего не сказал.

— Что еще необычного вы заметили?

— В тот день я просидела дома и вышла на улицу только вечером после звонка шефу Вальтера. Тут я, к моему удивлению, обнаружила под навесом автомобиль Вальтера. Получается, что в то утро он на нем не поехал...

— Фрау Оберман, ваш муж ничего не сообщил вам о своих планах? У вас с мужем были хорошие отношения? Что-то же заставило его взять у шефа эти два дня...

— У нас хорошие отношения, и он ничего особенного мне не говорил...

— Может быть, его что-то тревожило в последние дни?

Она замолчала. Макс решил, что она размышляет над значимостью того, что намерена сообщить. Потом ее голос довольно уверенно зазвучал снова:

— Примерно неделю назад ему кто-то позвонил, после чего он задумался и уединился в своей комнате. Мне показалось, что он там что-то искал. На мой вопрос он ответил: «Пустяки, Гизела. Все в порядке».

— Это все?

— Я думаю, этот человек звонил ему еще несколько раз, и каждый раз Вальтер после звонка становился мрачным. Я связываю его исчезновение с этими звонками.

— Что было дальше?

— Я набрала номер мобильного мужа, но он был недоступен. Пожалуй, он отключил телефон. Само собой разумеется, что и мне он ни разу не позвонил. К исходу второго дня я заявила в полицию, подробно описав внешность Вальтера. А сегодня, — она начала всхлипывать, — мне сообщили из полиции, что мужчина,

похожий на Вальтера, обнаружен мертвым на окраине Эрфурта.

— Успокойтесь, фрау Оберман, это вполне может быть ошибкой. Вам сказали, что мужчина убит?

— Они сказали, что видимых следов насилия на теле этого мужчины не обнаружено. Полицейский высказал предположение, что, возможно, отказало сердце. Но Вальтер был здоровым человеком.

— Вот видите, еще один аргумент в пользу того, что обнаруженный мертвым мужчина не ваш супруг. Как я понимаю, документов при этом мужчине не оказалось.

— Совершенно верно. Полицейский сказал об этом. Иначе бы они сразу мне позвонили...

— При условии, что этот мужчина ваш муж, — заметил детектив. — Полицейские пригласили вас для опознания?

— Да, господин Вундерлих, мне так страшно...

— А что бы вы хотели от меня? Полиция, я думаю, справится с этим случаем без моего участия.

— У меня есть основания полагать, что этот случай не так прост. Местная полиция просто скоро закроет дело и квалифицирует его как несчастный случай. Корни произошедшего лежат глубже.

— О каких основаниях вы говорите?

— Дело в том, что сегодня утром я наводила порядок в комнате мужа и, мне кажется, поняла, что он искал.

— Что же это?

— Я думаю, что этот проклятый медальон, с которым якобы связана некая тайна. Но я о нем знаю крайне мало. Если у медальона и есть какая-то тайна, то она связана с его семьей, с его недавними, так сказать, предками...

Макс с интересом посмотрел на женщину. Такие дела он любил. Дело имеет, возможно, некий «исторический»

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

фон. Пусть даже дело касается всего лишь одной семьи. История была его вторым школьным увлечением после чтения детективных историй.

— Фрау Оберман, я бы с удовольствием выслушал вашу версию.

— Я расскажу все, что знаю, господин Вундерлих. Но прошу вас не отказать мне в любезности и съездить со мной на опознание.

— Чем я смогу вам там помочь?

— Во-первых, вы частный детектив и, естественно, лучше меня разбираетесь в этой процедуре. Кроме того, мне кажется, нужно будет настоять на вскрытии...

— Это в полиции сделают и так. В соответствии с требованиями закона.

— Но поймите, Макс, на всякий случай...

Макс понял, что женщине просто больше не с кем поехать на опознание и она в отчаянии от того, что ей придется там пережить. Если история, которую она сейчас расскажет, заслуживает внимания и придется заняться этим делом, то будет нелишним прокатиться в Эрфурт.

— Я поеду, фрау Оберман. Тем более что вы приятельница моей помощницы. — Макс улыбнулся и взглянул на Мартину, которая за все время разговора не проронила ни слова. Потом, подумав, сказал: — Я весь внимание, фрау Оберман. Расскажите нам эту таинственную историю.

5

В самом конце сентября тысяча девятьсот восемьдесят девятого года в большом доме фермера Билла Роуза, занимающегося выращиванием табака недалеко от Ричмон-

да, собралось много народу. Вечеринка устраивалась по случаю отъезда его сына Майкла Роуза в Европу. Гости, пришедшими на вечеринку, были в основном соседи-фермеры и их родственники. Не отличающиеся, как и сам Билл Роуз, аристократизмом, с загорелыми лицами, гости вели себя шумно — перекликались, бурно приветствовали друг друга, иногда взрывались оглушительным смехом. Собравшиеся с нетерпением дожидались момента, когда Билл призовет всех, чтобы сказать тост.

Выращиванием табака в Вирджинии занимались многие. Поначалу Билл помогал вести хозяйство отцу Джонатану Роузу. Когда же отец почувствовал, что здоровье ухудшилось, полностью передал ферму сыну. Сейчас Роуз-старший жил не на ферме, а в Ричмонде, но часто навещал семью сына, чтобы посмотреть, как продвигается дело всей его жизни. Старший и средний Роузы всегда надеялись, что младший Роуз, Майкл, получит сельскохозяйственное образование и в свое время возглавит фермерское хозяйство. Но случилось иначе.

Окончив Колумбийский университет в Нью-Йорке, Майкл Роуз стал журналистом, а затем и писателем. В начале октября в Германии, во Франкфурте-на-Майне, должна была состояться очередная всемирная книжная ярмарка, где Майкл собирался представить свою новую книгу.

Билл Роуз, хоть и переживал по поводу того, что сын не продолжит его дело, в то же время гордился Майклом. Насколько ему было известно, в роду Роузов еще не было таких грамотеев. И вот его Майкл полетит в Европу. И не просто в качестве туриста, а в деловую поездку. Из всех Роузов в Европе побывал лишь отец Билла Джонатан Роуз. И с тех пор, когда в сорок пятом Джонатан вернулся домой, никто из членов семьи даже не

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

помышлял поехать так далеко. Роузы любили Америку, занимались своим бизнесом и мало интересовались тем, что происходит за пределами американского континента.

Ближайший сосед Билла Джон Ланкастер подошел к Биллу и на правах приятеля напомнил, что гости уже заждались. Билл понимающе кивнул и сказал:

— Скажи гостям, чтобы потерпели еще немного. Я жду старика. Он очень хотел увидеть происходящее с самого начала. Майкл его единственный внук.

— Есть еще внучки, — пошутил Джон.

Вскоре автомобиль Джонатана Роуза подкатил к дому. С сумкой через плечо, старый Джонатан выбрался из машины и сразу попал в объятия внука.

— А мы уж заждались, дед, — сказал Майкл обычные в таких случаях слова и подхватил деда под руку.

Когда Джонатан вошел в дом, гости зааплодировали. Собравшиеся хорошо знали старика, уважали его за жизненный опыт и практичную мудрость и потому столь бурно приветствовали главу семейства Роуз. По случаю вечеринки старый Джонатан изменил привычке и вместо обычной ковбойки и джинсов надел классический костюм и галстук, в которых испытывал неловкость. Билл налил в бокал вина и подал отцу со словами:

— Отец, ты здесь самый старший и должен первым сказать тост.

Старик смутился по понятной причине — он не привык держать речь перед публикой. Однако набравшись решимости, он глубоко вздохнул, обвел взглядом присутствующих и начал так, как это делает президент Соединенных Штатов (его выступления по телевизору Джонатан Роуз слушал всегда):

— Уважаемые леди и джентльмены! Мы собрались здесь по поводу, который еще совсем недавно я не мог

себе вообразить. Мой внук Майкл летит в Европу. И не просто в Европу, а в ту страну, в которой когда-то побывал и я. Правда, в связи с трагическими обстоятельствами. Я побывал там в конце той большой и страшной войны. Очень хотелось бы, чтобы подобное никогда не повторилось, но посмею заметить, что мир не стал лучше, и я, честно признаюсь, не знаю, что с этим делать... Может быть, вот такие контакты помогут миру окончательно не сойти с ума. Майкл, я желаю тебе всяческих успехов и благополучного возвращения домой. За всех нас, леди и джентльмены! За Америку!

Последние слова старика Джонатана потонули в радостных возгласах собравшихся, а внук Майкл, никак не ожидавший такого пафоса от деда, подошел к нему и расцеловал.

Началось шумное веселье. Гости подходили к отдельно стоящему длинному столу, уставленному блюдами с разнообразными закусками, и накладывали в свои тарелки приглянувшиеся куски мясных деликатесов и салатов, во множестве имеющихся на столе. Затем возвращались к общему столу, где Билл услужливо разместил бутылки с алкогольными и другими напитками, бокалы и рюмки.

Алкоголь делал свое дело. Кто-то уже пытался петь. Несколько пар закружились в неопределенного вида танце. Гости, предпочитающие поболтать, объединились в мелкие группы по интересам.

Все три Роуза уселись на большом диване. К ним сразу же примкнул Джон Ланкастер с супругой. Он знал, что Роузы любят поговорить о политике, и с удовольствием в подобных беседах участвовал. Правда, обычно они обсуждали внутреннюю политику. На этот раз, учитывая цель поездки Роуза-младшего, а также желая показать свою осведомленность, подвыпивший Ланкастер спросил:

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

— Послушай, Майкл, насколько я знаю, там есть две Германии. Ты в какую летишь?

— Это правда, дядя Джон. А лечу я во Франкфурт-на-Майне, он в Западной Германии. Еще там есть ГДР с ее Западным и Восточным Берлином.

— Значит, Берлин ты не увидишь?

— Пожалуй, нет. К тому же все мероприятия расписаны по часам.

В это время, желая продемонстрировать собственную эрудицию, в разговор вмешался отец, Билл Роуз.

— Я слышал, как политики рассуждают о скором объединении двух Германий. Русский президент Горбачев в декабре прошлого года на сессии Генеральной Ассамблеи сказал, что планирует вывести свои войска из Восточной Европы. Это обязательно подтолкнет процесс объединения Германии.

Все это время старый Роуз молча слушал, о чем говорили подвыпившие собеседники, потом хлопнул себя по лбу:

— Как же я забыл?!

— Что, дед? — спросил внук.

Джонатан Роуз полез в сумку и, повозившись в ней, извлек старую потемневшую фотографию и медальон. Потом сказал:

— Вот, взгляните на это...

Каждый по очереди брал в руки оба предмета, недоуменно рассматривал и передавал следующему. Потом Билл Роуз сказал:

— Отец, объясни-ка нам, что это.

Джонатан Роуз собрался с мыслями и начал рассказ, который все с интересом начали слушать.

— В начале июня сорок пятого наша часть охраняла на берегу Рейна лагерь для пленных солдат вермахта.

Ко мне обратился немецкий обер-лейтенант. Он был ранен и весьма истощен. Он сказал, что вряд ли долго протянет, и попросил передать вот эти предметы его семье. Вещи, как видите, не представляют никакой ценности, но для близких обер-лейтенанта они, пожалуй, были бы бесценны как память об умершем. Я не испытывал к нему никакой ненависти. Война уже закончилась, и я согласился выполнить его просьбу. К тому моменту, когда я собрался это сделать, оказалось, что местность, указанная в адресе, уже вошла в советскую оккупационную зону... Одним словом, я не смог передать вещи, ведь я был простым сержантом. Не смог я и выбросить эти предметы за ненадобностью. Не знаю, на что я тогда рассчитывал... Я привез медальон и фотографию с собой в Штаты. И все годы меня мучает совесть. На фото жена обер-лейтенанта и его дочь. Возможно, кто-то из них жив. По возрасту это вполне возможно — я-то живу...

— А что стало с обер-лейтенантом? — спросил Джон Ланкастер.

— Он умер уже на следующий день.

Тут заговорил Роуз-младший:

— Дед, насколько я понимаю, ты хочешь, чтобы я попробовал выполнить просьбу немца?

— Совершенно верно, Майкл. Я вспомнил об этих вещах и намеренно захватил их с собой.

Майкл еще раз взял фотографию и прочел адрес, после чего сказал:

— Дед, эта местность и сегодня входит в состав ГДР, а туда у меня визы нет.

— Майкл, возможно, это и так, но все же времена меняются, может быть, у тебя что-нибудь получится. Очисти мою совесть... пусть даже через столько лет...

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

— Я постараюсь, дед. — Внук взял фото и медальон и спрятал их во внутренний карман пиджака.

Вечеринка продолжалась до позднего вечера.

Через несколько дней самолет, в котором летел и Роуз-младший, взял курс на Европу.

6

Майкл Роуз был на седьмом небе от счастья. Презентация романа прошла блестяще. Ему пожимали руку, говорили слова восхищения, издатели и переводчики спешили к нему с заманчивыми предложениями. Он уже позвонил деду в Ричмонд и рассказал о своем успехе. Джонатан Роуз спросил:

— Майкл, ты не забыл о моей просьбе?

— Дед, я помню о ней. Сделаю все от меня зависящее.

— О'кей, Майкл. Желаю тебе удачного завершения дел и до встречи в Америке.

Майкл действительно помнил о задании, полученном от старого Роуза, но еще не представлял, как он с ним справится.

Размышляя на ходу над стоящей перед ним задачей, Майкл направился в ближайший из множества имеющихся на ярмарке буфет, где собирался перекусить. Он сидел за столом и с аппетитом уплетал сэндвичи, когда к нему вдруг подошел высокий улыбающийся джентльмен и на прекрасном английском сказал:

— Мистер Роуз, меня зовут Аксель Бекман. Я переводчик с английского. Вы позволите?

Майкл перестал жевать и жестом пригласил переводчика присесть.

— Я вас слушаю, мистер Бекман.

— Мистер Роуз, мне очень понравилась ваша книга, и я хотел бы перевести ее на немецкий язык. У меня широкие связи в немецких издательствах, и я смог бы там договориться о публикации вашей книги. Мои переводы с английского знает вся Германия, и вы не прогадаете, если заключите контракт со мной.

Майкл еще не имел опыта в сделках подобного рода, и ему было все равно, кто переведет его книгу. Главное, чтобы перевод произведения состоялся. Коли мистер Бекман утверждает, что его работы широко известны, что ж, пусть переводит. Немного подумав, он сказал:

— Мистер Бекман, я думаю, что если немец утверждает, что он профессионал, то так оно и есть. Я доверяюсь вам и готов обсудить условия контракта.

— Отлично, мистер Роуз. Давайте встретимся завтра утром в конференц-зале, скажем... в десять.

— О'кей, мистер Бекман, — сказал Майкл и, вдруг вспомнив, добавил: — Кстати, мистер Бекман, уж коли я так быстро согласился на наше сотрудничество... Не могли бы вы мне оказать одну небольшую услугу?

— Все, что в моих силах, мистер Роуз.

Майкл вытащил из кармана фотографию и обратной стороной, где с трудом читались полузатертые временем буквы, протянул ее переводчику.

— Мистер Бекман, взгляните, пожалуйста, на этот адрес. Насколько я понимаю, это в ГДР..

Бекман прочел, шевеля губами, и ответил:

— Совершенно верно, мистер Роуз. А в чем проблема?

— Я должен кое-что передать одной немецкой семье, включая эту фотографию.

— Вы позволите взглянуть на фото?

— Да, конечно, мистер Бекман. Я могу показать вам и другую вещь. Здесь нет никакой тайны, — ска-

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

зал Майкл и, выудив из кармана медальон, протянул его переводчику.

Бекман повертел в руке медальон, затем перевернул фотографию и долго смотрел на лица людей, которых — подумал он — уже, возможно, нет в живых. Но он ничего не сказал, а лишь заметил:

— Немецкое качество, мистер Роуз... Столько лет, а качество снимков все еще неплохое, да и медальон неплохо сработан. А почему сами не передадите?

— У меня нет визы в ГДР.

— Не стоит торопиться, мистер Роуз. Вполне возможно, что этих людей давно там нет. Я попробую выяснить по своим каналам, а потом вам сообщу. Я не исключаю, что туда вообще не надо ехать.

— Сколько времени это займет? Ведь я скоро улетаю в Америку.

— Я думаю, что справлюсь с этим делом быстро... тем более что это нужно моему компаньону. — Бекман улыбнулся и, достав из кармана записную книжку, переписал в нее адрес. Затем вернул фотографию Майклу.

— Отлично, мистер Бекман. Итак, завтра в десять.

На следующий день Майкл Роуз и Аксель Бекман подписали контракт, после чего переводчик сказал:

— Мистер Роуз, к вечеру у меня будет информация по интересующему вас вопросу. Давайте встретимся... скажем, в вашем гостиничном номере. Где вы остановились?

Майкл продиктовал адрес и сказал:

— Сегодня в девять вечера, мистер Бекман. Вас устроит?

— Вполне.

...Они сидели в номере Майкла и курили. На столе стояли два бокала с легким вином. Бекман сделал глоток и сказал:

— Я выяснил, мистер Роуз. Все обитатели имения покинули его еще в начале сорок пятого года. Тогда многие бежали с востока Германии на запад, опасаясь наступающих русских. Позже имение было национализировано новыми властями ГДР. Что там сегодня, я не знаю.

— Значит, если кто-то остался в живых, они здесь, в Федеративной Республике... Но как их найти?

Бекман улыбнулся и с видом человека, знающего себе цену, сказал:

— Вам повезло, мистер Роуз, что судьба подбросила вам такого человека, как Бекман. Я пошел дальше и, используя свои многочисленные связи, кое-что разузнал.

Майкл вздохнул. В душе его поселилась надежда.

— Очень хотелось бы кого-нибудь разыскать. Ведь это задание моего любимого деда Джонатана Роуза. Все эти годы его мучает совесть, что он не исполнил просьбу того обер-лейтенанта.

— О чем вы говорите?

Майкл коротко пересказал Бекману случай, произошедший с его дедом в далеком сорок пятом. Бекман выслушал писателя с неподдельным интересом и сказал:

— Теперь слушайте, мистер Роуз. Вот что я выяснил. Самой Инги фон Штразен уже нет в живых. Умерла от болезни. Еще жива ее дочь Клара. Теперь ее фамилия по мужу Оберман. У них есть сын Вальтер. Все они проживают...

— Я готов поехать куда угодно, мистер Бекман...

— Успокойтесь, можете считать, что вам повезло во второй раз. Семья проживает здесь, во Франкфурте. Так что практически никуда ехать не надо. Вот вам адрес, а заодно и номер телефона. — Бекман протянул Майклу сложенный вчетверо листок бумаги.

— Не знаю, как вас и благодарить, мистер Бекман...

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

— Все нормально. Мы квиты. Не забывайте, что теперь мы компаньоны. Кроме того, вы имеете благородное намерение исполнить просьбу обер-лейтенанта вермахта — когда-то враждебной вам армии. Когда вернетесь в Америку, передайте мою благодарность вашему деду. Скажите, что переводчик Бекман может ценить человеческие отношения и желает старику долгих лет жизни.

7

Таксист долго кружил по городу, пока наконец не привез Майкла на затерявшуюся на северной окраине Франкфурта Бернерштрассе. Рассчитавшись с водителем, писатель подошел к узкому проходу между забором, отделявшим участок справа, и крытым навесом слева. Под навесом стояла серебристая «Ауди». В конце прохода угадывалось крыльцо дома, который и должен был быть — согласно данным мистера Бекмана — местом проживания семьи Оберман. Майкл нажал кнопку звонка.

Дверь открыл мужчина лет шестидесяти. Увидев Майкла, спросил:

— Вы к кому?

Майкл начал объяснять по-английски, кто он и зачем пожаловал, но скоро понял, что мужчина его не понимает. Оставив дверь открытой, мужчина на минуту скрылся в доме, а затем вернулся вместе с молодым человеком лет двадцати пяти. Пожилой кивнул на Майкла и что-то сказал молодому. Тот спросил по-английски:

— Кто вы и что вам угодно?

— Я ищу семью Оберман.

— Это мы, но таких фамилий в Германии много. Может быть, вы что-то перепутали, у нас нет англоязычных знакомых или родственников.

— Скажите, вы имеете отношение к Инге фон Штразен?

Молодой повернулся к пожилому, и между ними состоялся короткий разговор, после чего Майкла пригласили в дом. Хриплый женский голос из дальней комнаты спросил:

— Вальтер, кто там пришел?

— Сейчас, мама...

Вальтер удалился, а затем вкатил в комнату инвалидную коляску, в которой сидела женщина, которая, пожалуй, была моложе мужчины, открывшего дверь, но имела весьма болезненный вид. На шум в комнату вошла еще одна молодая женщина примерно одного с Вальтером возраста. Когда все собрались, Вальтер, как говорящий на английском языке, сказал:

— Меня зовут Вальтер Оберман, это моя жена Гизела Оберман. В инвалидном кресле моя мать Клара Оберман, урожденная фон Штразен. Рядом мой отец Пауль Оберман. А кто вы?

Майкл принялся рассказывать. Жена Вальтера, судя по всему, как-то его понимала, но старики вертели головами, не понимая речь гостя, и Вальтер им переводил. Закончив рассказ, Майкл достал фотографию и медальон и протянул Кларе Оберман. Она взглянула на фотографию, затем на медальон и быстро начала говорить, обращаясь к Майклу. Вальтер переводил:

— Вы ничего не перепутали. Моя мать узнала на фотографии и фото на медальоне свою мать Ингу фон Штразен. К сожалению, бабушка уже умерла. На фото мать узнала и себя. Здесь ей семь лет. Бабушка рассказывала ей об отце, которого она плохо помнит. Теперь мы будем знать, как умер отец моей матери, мой дед. Кстати, как вас зовут? Расскажите о себе.

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

— Меня зовут Майкл Роуз... — начал он, но сразу же был остановлен сбивчивой быстрой речью жестикулирующей Клары Оберман.

Вальтер сказал:

— Извините, мистер Роуз, мою мать. Просто она хочет, чтобы все присели к столу и выпили вина. Для матери, да и для нас всех, это выдающееся событие. Ведь мы до сих пор ничего не знали о судьбе нашего деда. Последнее письмо от него было в июне сорок четвертого.

Старший Оберман уже хлопотал возле стола, расставляя бокалы. Вслед за ними появилась большая бутылка красного вина. Инвалидную коляску Клары Оберман подкатили к столу, остальные уселись на мягкие стулья. Майкл продолжил рассказ о себе. Когда он вскользь упомянул о том, что он писатель, все члены семьи Оберман уважительно посмотрели на него.

Клара Оберман продолжала рассматривать фотографию и медальон, по лицу ее катились слезы. Она не пыталась их скрыть. Успокоившись и вертя в руках медальон, женщина сказала:

— А вы знаете, Майкл, покойная мать рассказывала мне однажды, что с этим медальоном связана какая-то тайна. Якобы мой отец в своем последнем письме написал, что он раскрыл эту тайну. А какая здесь может быть тайна? Обычный медальон — не золотой и не серебряный, просто сработанный хорошим немецким мастером.

После этих ее слов медальон пошел по кругу. Каждый счел долгом подержать его в руках и похвалить мастера. Но никто не открыл никакой тайны. Вальтер, который последним рассматривал медальон, сказал, подводя итог разговору:

— Старикам свойственно все окружать тайной.

Его поправила супруга Гизела Оберман. По округлившемуся ее животу Майкл понял, что семью Оберман в недалеком будущем ждет пополнение. Гизела сказала:

— Ну что ты, Вальтер? Тайна потому и есть тайна, что не лежит на поверхности.

Клара Оберман, урожденная фон Штразен, сказала:

— Вы не представляете, Майкл, как я благодарна вам и вашему деду. Пусть и через много лет, но он исполнил свое обещание, поступил как честный солдат. Передайте ему от меня и всей нашей семьи пожелания здоровья и долгих лет жизни. Если вдруг судьба забросит его в Германию, мы будем рады принять его у себя. Жаль только, что моя мать не дождалась этого дня.

Майкл спросил:

— А от кого достался этот медальон вашему отцу?

— Перед самой смертью медальон моему отцу передала его мать баронесса Эльвира фон Штразен, моя бабушка. Она хотела что-то рассказать отцу, но не успела. Обо всем этом я уже узнала от своей матери.

Вскоре Майкл распрощался с гостеприимной семьей Оберман и с сознанием исполненного долга покинул дом.

Вальтер Оберман, взявший медальон у матери для «раскрытия тайны», сидел в своей комнате и с недоуменным видом вертел эту металлическую вещь с маленьким фото его бабушки. Затем открыл ящик стола и забросил медальон в самый дальний угол.

— Что только не придумают эти старики...

8

— Весьма занимательная история, — сказал Макс Вундерлих, когда Гизела Оберман закончила свой рассказ, и, чуть помедлив, добавил: — Но очень мало исходных данных...

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

Гизела пожала плечами.

— Больше мне нечего добавить, Макс.

Он кивнул и, взглянув на Мартину, сказал:

— Попробуем подвести итоги истории медальона.

Итак, тринадцать лет назад некий американец передал семье Оберман весточку из прошлого. Фото и некий медальон, якобы окутанный тайной. И все эти годы медальон провалялся в ящике стола, не вызывая у членов семьи ни малейшего интереса. Так, фрау Оберман?

— Совершенно верно. Сведения, которые тогда сообщила свекровь, были весьма скудными. Мы не предпринимали попыток к выяснению подробностей...

— Надо бы еще раз побеседовать с вашей свекровью.

— Это невозможно, Макс. Ее более нет в живых.

— Печально. А ваш свекор, конечно, не был посвящен в таинство этой семейной легенды?

— По крайней мере, я не знаю, в какой степени... Но это уже неважно — Пауль Оберман также умер.

— Совсем плохо. Последние свидетели, которые могли бы рассказать кое-что о медальоне, ушли из жизни. Придется опираться на те факты, которые есть. Итак, другие непреложные факты: за неделю до исчезновения Вальтера Обермана кто-то ему позвонил, и, возможно, не один раз, после чего ваш супруг исчез, а вместе с ним медальон, который никому не был нужен в течение тринадцати лет. Вероятность того, что звонки были связаны с медальоном, высока, но не является стопроцентной. Вы согласны со мной, фрау Оберман?

— Вообще-то да... А что еще может быть причиной исчезновения?

— Что угодно. Ваш муж мог исчезнуть по собственной инициативе, и звонки неизвестного никак с этим не связаны.

— Да, но все же...

— Согласен. Примем эту версию как наиболее вероятную. Если звонки неизвестного связаны с медальоном, то существует кто-то кроме членов семьи, знающий о существовании этого медальона и, пожалуй, некой тайне, с ним связанной. Откуда это лицо или лица могли об этом узнать? Во-первых, от самих членов семьи или других лиц, с которыми эти члены контактировали. Что вы на это скажете, фрау Оберман?

— Если речь идет обо мне, то могу ответственно заявить, что я здесь ни при чем, так как забыла о существовании этого медальона. У нас есть двенадцатилетняя дочь Лаура, но ее никто никогда не посвящал в подобные вещи. Родители мужа могли теоретически кому-то рассказать о медальоне и его тайне... Хотя после того, как медальон появился в доме, свекровь практически не покидала дом, так как была очень больна и на улицу выезжала только в нашем сопровождении. Свекор, конечно, общался с посторонними людьми, но ему было не до праздных разговоров — он любил мать Вальтера и до конца ее дней проводил все время возле нее, а после ее смерти протянул недолго... Остается только Вальтер. Здесь я, естественно, не могу дать никаких гарантий, что он никому не говорил про медальон, хотя смею утверждать, что мой муж не из болтливых.

— Согласен. Примем за наиболее вероятную версию о том, что об этом медальоне знал еще кто-то... и знал, пожалуй, давно... Как медальон попал к деду вашего супруга? Этот факт нам известен — его дала Карлу фон Штразену умирающая мать. Ведь так, фрау Оберман?

— Да, Макс, об этом рассказывала моя свекровь, а она в свою очередь узнала об этом от своей матери.

— Я позволю себе предположить, что прабабка вашего супруга Эльвира фон Штразен имела сестер или

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

братьев, которые могли знать об этом медальоне и, если угодно, его тайне.

— Вполне возможно, господин Вундерлих, — сказала Гизела Оберман, почему-то перейдя на официальный тон, и добавила: — Но я не располагаю такими сведениями. Думаю, что и Вальтер ничего не слышал о родственниках, которые могли знать о медальоне и его тайне.

— Не спорю. Видимо, родословной семьи Штрайзен и придется заняться. Корни истории медальона могут быть зарыты очень глубоко.

В комнате установилось молчание. Каждый был занят своими мыслями. Макс уже строил в голове возможные варианты действий по установлению истории семьи баронессы Эльвиры фон Штрайзен. Гизела Оберман, убитая логикой сыщика Вундерлиха, тупо смотрела перед собой, забыв, зачем она вообще сюда пришла. Только Мартина, занимавшая в данной ситуации нейтральную позицию, вдруг тоном рассудительного человека сказала:

— Послушай, Макс. Ты совсем забыл о том, что еще не ясна ситуация с Вальтером. — Она робко глянула на Гизелу.

Макс очнулся и сказал:

— Ты, как всегда, права, Мартина. Извините меня, дорогие дамы. Конечно-конечно... Завтра утром, фрау Оберман, мы отправимся в Эрфурт. Вы не против?

— Что вы, Макс. Я вам так благодарна.

— Ну и отлично. Тогда до завтра...

9

Примерно за два года до того, как Барбара Итцель обнаружила тело мертвого мужчины на окраине Эрфурта, в один из погожих дней в кабинет коммерческого директора известного мюнхенского издательства вошел

переводчик с английского Аксель Бекман. Коммерческий директор, которого звали Отто Фукс, всплеснул руками, поднялся со стула и, не переставая повторять «сколько лет сколько зим», пошел навстречу Бекману.

Аксель Бекман энергично тряхнул пухлую руку коммерческого директора и сказал:

— Я думаю, девять лет и девять зим, господин Фукс.

— Неужели? Как же летит время!

— Неумолимо, господин Фукс. Последний раз я был у вас в девяносто первом.

Отто Фукс на секунду задумался и сказал:

— А ведь верно. Я тогда только начал работать в нашем издательстве, — затем, пытаясь изобразить обиду, добавил: — Не уважаете вы нас, господин Бекман, не хотите иметь с нами дело...

— Не совсем так. Во-первых, последние три года меня не было в Германии. Был, так сказать, в творческой командировке...

— И конечно, в Штатах.

— Угадали, господин Фукс. Так что можем считать, что я не был у вас только шесть лет.

— Тоже немалый срок.

— А во-вторых, у вас специализированное издательство. И причина, по какой я у вас не появлялся, проста — не было работ по вашей тематике.

Коммерческий директор расхохотался.

— Господин Бекман, вы, как всегда, выкрутились. По этой части вы мастер, как, собственно, и по переводам с английского.

— Благодарю вас, господин Фукс.

— Как я понимаю, сейчас у вас что-то появилось.

— Совершенно верно. И автор тот же, который был девять лет назад.

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

— Напомните, пожалуйста. Знаете, все же много лет прошло... Печатаем мы много.

— Тогда я принес вам перевод романа американца Майкла Роуза. Книга неплохо раскупалась, насколько я помню.

— Вспомнил, господин Бекман. Стало быть, вы принесли новый роман Роуза?

— Да, и очень, по-моему, неплохой.

— Ну что ж, оставляйте, я передам в редакцию, пусть знакомятся и принимают решение.

Аксель Бекман достал из своего старого потертого портфеля рукопись и положил ее на стол коммерческого директора. Отто Фукс бегло взглянул на аккуратно скрепленные листы и сказал:

— Не беспокойтесь, господин Бекман. Рассмотрим в положенные сроки... и даже быстрее. Ваши переводы все знают. Видимо, их качество оценил и сам автор, коли поручил вам перевод следующего романа.

Коммерческий директор нажал кнопку и, как только вошла секретарь, сказал:

— Аннетте, приготовьте, пожалуйста, для меня и господина Бекмана кофе.

Переводчик попытался протестовать, ссылаясь на спешку, но Фукс сказал:

— Успеете, господин Бекман. Посидите полчаса. А то снова исчезнете лет на девять, а к тому времени я уже буду на пенсии.

Аксель Бекман сдался и сел в глубокое черное кресло. Довольный Фукс опустил на свой стул.

— Расскажите что-нибудь об Америке, господин Бекман. Все там на месте?

Бекман улыбнулся и проговорил:

— Для этого у нас мало времени, господин Фукс. Могу лишь рассказать о том, как побывал в Вирджинии

на ферме отца Майкла Роуза. Он выращивает табак. Впечатляющее зрелище. Заодно передал благодарность и подарок его деду от одной немецкой семьи.

— Интересно, какую же услугу оказал американец немецкой семье? Расскажите, очень интересно.

— В прошлый раз Майкл Роуз с моей помощью разыскал одну немецкую семью и передал ей от Роуза-старшего суший пустяк — фотографию и медальон.

— Действительно пустяк.

— Да, вещи эти не представляли собой ничего особенного, но для семьи они оказались бесценными, ибо это память об их умершем родственнике, обер-лейтенанте вермахта. Янки хранил их более сорока лет и все же выполнил обещание, данное умирающему обер-лейтенанту.

Коммерческий директор удовлетворился ответом и замолчал, чтобы сделать глоток кофе. Его не очень интересовала Америка, но, чтобы не показаться переводчику несовременным и скучным, он стал обдумывать следующий вопрос про Америку. Поскольку пауза затянулась, а подходящий вопрос так и не сложился в голове, Отто Фукс просто спросил:

— Как звали обер-лейтенанта?

— Этого я не знаю. Помню только имя его супруги, изображенной на фото. Баронесса Инга фон Штразен.

При этих словах переводчика Бекмана коммерческий директор весь напрягся, в лицо ему ударила кровь, а под белой рубашкой по его толстой спине потекли холодные струйки. Он быстро взял себя в руки и безразлично спросил:

— И где живет эта семья? Пожалуй, они уже не носят фамилию фон Штразен...

— Конечно, господин Фукс. Нынче их фамилия Оберман, а живут они во Франкфурте-на-Майне. При

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

посещении семьи Майклом Роузом была еще жива дочь обер-лейтенанта, урожденная фон Штразен, внучка баронессы Эльвиры фон Штразен, которой и принадлежал когда-то этот медальон...

— Да-да... Жизнь быстротечна... — задумчиво выдавил из себя Фукс и добавил: — А как выглядел медальон? Вы же видели его?

— Как вам сказать, господин Фукс... Ничего особенного, я бы сказал, обычный, овальной формы, но очень аккуратно исполненный мастером... Немецкое, я бы сказал, качество...

Оба замолчали, лишь легкие удары чашки о блюдце изредка нарушали установившуюся в кабинете тишину. Первым нарушил молчание переводчик Аксель Бекман:

— Спасибо за кофе, господин Фукс. Я, пожалуй, пойду. Когда мне вам позвонить?

— Звоните послезавтра, господин Бекман. Кое-что мы уже сможем вам сказать.

Фукс протянул ему почему-то вдруг вспотевшую ладонь, и Бекман сразу же сунул свою ответившую на пожатие руку в карман пиджака, другой подхватил портфель и покинул кабинет коммерческого директора.

Фукс снова опустил на стул и сидел неподвижно до тех пор, пока вошедшая секретарь не вывела его из состояния оцепенения.

10

Они решили поехать на «Ауди» Гизелы Оберман. Макс сел за руль, потому что состояние Гизелы вызывало опасения. Она была в полной прострации. На все вопросы частного детектива она отвечала не сразу —

долго соображала, пока наконец находилась, что сказать, глядя при этом на Макса пустым взглядом.

Он долго кружил по городу, пока выбрался на пятый автобан и поехал по нему в направлении указателя на Ганновер. До следующего съезда на четвертый автобан было примерно сто двадцать километров, и Макс, решив с пользой провести время за рулем, предался размышлениям.

Он взглянул на Гизелу, тупо смотрящую в лобовое стекло, и подумал о том, что будет с ней, когда она войдет в морг. Он почти не сомневался, что тот, кого им там предъявят, окажется Вальтером Оберманом.

Итак, что мы имеем? Какой-то медальон, переданный Карлу фон Штразену матерью непосредственно перед ее кончиной, какая-то тайна... Если тайна связана с медальоном, то указание на нее и находится в самом медальоне. Она начала говорить о медальоне, понимая, что если даже и не успеет сказать нечто важное, то сын отыщет разгадку тайны в самом медальоне... Он отыскал, но поздно... Гизела утверждает, что медальон весьма прост, на нем никаких надписей, ничего такого, что могло бы навести на мысль. Значит, если медальон и содержит сведения о тайне, то они внутри его. Внутри, внутри... Значит, его можно открыть. Однако сделать это непросто. Уж не об этом ли хотела сообщить умирающая? И оберлейтенант разгадал эту загадку через шесть лет, за год до собственной смерти. Какая ирония судьбы... Что же он нашел в медальоне? Уж точно не какой-нибудь драгоценный камень. Матери было бы проще передать ему камень из рук в руки... Нет, в медальоне было что-то объясняющее, что делать дальше... Может быть, нацарапанный знак или какая-нибудь выгравированная надпись... Да, именно так. Ведь как удобно — спрятать информацию в ничем не примечательный медальон, на который

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

никто и внимания не обратит, кроме тех, кому эти сведения предназначены. Для остальных — просто память о матери... Но кто-то что-то знал. И этот «кто-то» был там в день кончины баронессы. Кстати, где это было?

Макс решился нарушить молчание.

— Фрау Оберман, — позвал он.

До нее не сразу дошло, что к ней обращаются. Мысли ее были далеко, и она очнулась лишь после того, как сыщик еще раз позвал ее.

— Да, Макс.

— Ваша свекровь не рассказывала, случайно, где умерла ее бабушка?

— Рассказывала. Это было в их имении Лихтенберг вблизи Айзенаха.

— Благодарю вас.

Гизела снова отключилась, прикрыв глаза и откинув голову на подголовник.

Вот так, Айзенах. А ведь он совсем недалеко от Эрфурта. И что из этого? Ровным счетом ничего, но все же... Надо устанавливать родню баронессы. Идти в архивы? Длинная песня... Что еще может помочь зацепиться за след? Семейная переписка? Фото? Пожалуй, да. Ведь тогда не было компьютеров и прочих прелестей, связанных с ними. Дед Стефан рассказывал, что и телефон был далеко не у каждого. Все сведения на бумаге, а ее легко и сжечь за ненадобностью... Спрашивать о чем-то Гизелу сейчас не имеет смысла, она сейчас плохо соображает... Потом, когда они вернутся из Эрфурта...

Он едва не проскочил нужный съезд и мысленно обругал себя за это. Вскоре он был на четвертом автобане. Впереди еще было примерно столько же пути, сколько они уже проехали. Гизела спала — так он решил по ее равномерному посапыванию. Мысли переключились на

Эрфурт, точнее, на то, что случилось там с Вальтером Оберманом. Он поймал себя на мысли, что думает о муже Гизелы уже в прошедшем времени.

Почему он так уверен, что Вальтер убит? Сказано ведь — никаких следов насилия. Это снаружи. А внутри? Наверное, полицейские уже произвели вскрытие... Есть масса способов умертвить человека. И для этого совсем не обязательно проламывать ему череп, набрасывать на шею удавку или дырывать пулями.

В Эрфурт Макс въехал со стороны Леберштрассе. Он не знал, куда им надо, поэтому припарковал автомобиль при первой возможности и начал будить Гизелу Оберман. Она раскрыла глаза, непонимающе посмотрела на него и спросила:

— Где я?

— Фрау Оберман, мы уже в Эрфурте. У вас есть адрес, куда нам надо ехать?

Она с испуганным видом кивнула, залезла в сумочку и подала Максиму небольшой листок бумаги:

— Посмотрите сами, господин Вундерлих...

Он прочел адрес, затем высунул голову в окно и, увидев сгорбленную седовласую старушонку, расспросил у нее, как проехать по нужному ему адресу. Старуха оказалась на редкость разговорчивой и готова была рассказать ему даже то, что его абсолютно не интересовало. Сославшись на отсутствие времени, Макс вежливо прервал ее шепелявый речевой поток и отпустил педаль сцепления.

Их встретил инспектор Ниммер (тот самый, который был на месте обнаружения трупа). С серьезным видом он посмотрел на вошедших и попросил предъявить документы. Он внимательно прочел данные в каждом удостоверении, шевеля губами и внимательно сверяя фото со стоящими перед ним оригиналами. Затем начал говорить: